

КОРОЛЬ, ЗАКОН И СВОБОДА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф Клермон.

Эмиль Грелье — знаменитый бельгийский писатель.

Жанна — его жена.

Пьер

Морис } его сыновья.

Лагард — министр.

Генерал-адъютант гр. Клермона.

Безумная девушка.

Франсуа — садовник.

Генриетта

Сильвина } слуги Грелье.

Командующий германской армией в Бельгии.

Фон-Блюменфельд.

Фон-Ритцау

Фон-Штейн } офицеры штаба.

Фон-Шаусс

Клетц — военный инженер.

Циглер — военный телеграфист.

Грейцер.

Германский офицер.

Бельгийский крестьянин.

Шофер-бельгиец.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Действие происходит в Бельгии, в начале войны 1914 года. На сцене уголок сада при вилле знаменитого бельгийского писателя Эмиля Грелье. Вдали, за вершинами невысоких деревьев, за каменной оградой, которая отделяет владение Грелье от соседних садов, — вдали рисуются в мягких полутонах красные крыши городка, ратуша, старинная церковь. Там уже знают о войне, там уже звонит беспокойно набатный колокол, а здесь в саду все еще мир и благодатная тишина молчаливо рождающей земли. Небольшой, образцово содержимый питомник; на грядках и куртинах тяжелые от запаха и красоты головы цветов; цветущие кусты. Угол оранжереи; стеклянные рамы полуоткрыты, и в свежей глубине покоятся солнечные пятна, вырезают светом экзотику пальмовых листьев, сгущают до темноты влажную зелень глубоких фонов. Солнце светит мягко, в воздухе синеватый туман теплого и тихого дня, и все краски благородно смягчены; только на передних планах резко красочны гармоничные пятна цветов. У одной из грядок сидит на корточках и подрезывает розы старый и глухой Франсуа, суровый фламандец с длинными седыми волосами. Во рту потухшая фаянсовая трубка. Франсуа работает и не слышит набата; он один в саду, и ему кажется, что все спокойно и тихо. Но что-то смутно тревожит его, какой-то неясный зов. Он оглядывается — никого, Мурлычит про себя какую-то песенку без слов и мотива, старческий бессознательный лепет. Вдруг замолкает, выпрямляется с ножницами в руках и снова оглядывается.

Франсуа. Кто меня звал?

Нет никого. Глядит на оранжерею, — ему кажется, что теперь оттуда его зовут.

Я слышу, мосье Эмиль. Я здесь.

Нет никого. Франсуа хмурится и сердито окликает.

Кто меня звал?— Нет никого. (*Оглядывает небо, цветы и спокойно присаживается для работы.*) А говорят, что я глухой. А я слышал, как кто-то окликнул меня дважды: Франсуа! Франсуа! Нет, это кровь шумит в ушах.

Молчание. Но непонятная тревога не стихает, и Франсуа снова прислушивается, скрывая это с хитростью глухих, которые не любят своей глухоты.

А я до сих пор слышу, как кто-то кричал: Франсуа! Ну вот и Франсуа, а кому надо, тот может еще позвать. Я не побегу. А птиц я давно не слышу, замолчали птицы для меня. Глупости это: птицы. Ну и глухой... вы думаете, что я от этого заплачу? (*Кривит в насмешливую улыбку старческий рот.*) А мои глаза? Да, вот это да. А глаза! Отчего ты все молчишь, Франсуа? А зачем я буду говорить, когда я не слышу вашего глупого ответа. Глупости это: говорить и слушать. А вижу я столько, сколько ты не услышишь. (*Смеется.*) Да. Вот этих я вижу. Эти тоже не болтают, а наклонись к нему, и ты узнаешь столько, сколько не знал и Соломон. Так и в Библии сказано: Соломон. Для тебя вся земля — шум и болтовня, а для меня она, как Мадонна в цветах на картинке. Иисус-Мария! — как Мадонна в цветах.

Набат продоолажается. Издали молодой голос кричит: «папа́! папа́!». Потом: «Франсуа!» От дома показывается быстро идущий юноша лет семнадцати, младший сын Грелье, зовут его Морис. Еще раз громко окликает Франсуа, но тот не слышит. Наконец кричит над самым ухом.

Морис. Франсуа, да что же ты! Я тебя зову, зову... Ты не видал, где папа́?

Франсуа (*спокойно, не оборачиваясь*). Это ты звал меня, Морис? Я давно слышу.

Морис. «Слышу», а не отзываешься! Какой ты упрямый. Ты не видал, где папа́? Я его везде ищу? Ну скорее же! Где папа́?

Франсуа. Папа́?

Морис (*кричит*). Где папа́? Ты не видал? Сильвина говорит, что пошел в оранжерею. Слышишь?

Франсуа. В оранжерее его нет. Утром мосье Эмиль говорил со мной, а с тех пор я его не видал. Нет.

Морис. Как же быть!.. А какой набат! Франсуа, что это будет, ты слышишь, как звонят?

Франсуа. А! слышу. Ты будешь брать розы, мальчик?

Морис. Ты ничего не понимаешь, с тобой невыносимо. По улицам уже бегут, все бегут туда, а папа́ нет. Я тоже сейчас побегу туда, может быть, он уже там. Какой день!

Франсуа. Кто бегут?

Морис. Ты ничего не понимаешь! (*Кричит.*) Они вошли в Бельгию!

Франсуа. Кто вошли в Бельгию?

Морис. Они же, пруссаки. Пойми же ты: война! Война! Ты только представь себе, что это будет. Пьеру надо идти, и я тоже пойду. Я ни за что не останусь!

Франсуа (*выпрямляется, роняет ножницы*). Война? Что ты городишь, мальчишка! Кто вошли в Бельгию?

Морис. Они же, пруссаки! Пьер теперь пойдет, и мне надо

идти, я ни за что не останусь, понимаешь? И что будет теперь с Бельгией, трудно представить! Они вчера вошли в Бельгию, — ты понимаешь, какие это негодяи!

Вдали, на тесных улочках города, тревожный звук шагов и колес, постепенно быстро растущий. Отдельные голоса и вскрики смешиваются в сдержанный, но полный значительности, тревоги и угрозы, широкий гул. Набат то стихает устало, то повышает свой призыв почти до крика. Тщетно старается услышать что-нибудь Франсуа; и снова сердито берется за ножницы.

Франсуа!

Франсуа (*сурово*). Глупости все это. Что ты городишь, мальчишка! Войны нет, этого не может быть.

Морис. Сам ты глупый старик! Они вошли, понимаешь — уже, уже!

Франсуа. Это неправда.

Морис. Почему неправда?

Франсуа. Потому что этого не может быть. Газеты пишут глупости, и все с ума сошли. Глупцы, и больше ничего, сумасшедшие. Какие пруссаки? Мальчишка, ты не смеешь так шутить надо мной.

Морис. Да послушай же ты...

Франсуа. Пруссаки!.. Какие еще пруссаки? Я не знаю никаких пруссаков и не хочу их знать.

Морис. Да пойми же ты, старик, что они стреляют уже в Льеже.

Франсуа. Нет!

Морис. Уже многих убили — ах, какой ты! Ты слышишь набат? Народ на площади, все бегут туда, плачут женщины. Что это?

Франсуа (*сердито*). Ты топчешь грядку, отойди!

Морис. Оставь меня!.. Отчего они так закричали? Там что-нибудь случилось!

Вдали военный рожок, крики толпы, минутами усиливающиеся почти до рева. Где-то в стороне неясные звуки бельгийского гимна, мотива почти не слышно; угадывается только ритм. Вдруг молчание, зловещее после крика, и одинокий звон колокола.

Теперь молчат... Что же это?

Франсуа. Глупости, глупости... (*В ярости.*) Ты опять топчешь грядку! Уходи! Все с ума сошли — ступай, ступай! Пруссаки!..

Морис. Это ты с ума сошел!

Франсуа. Мне семьдесят лет, а ты говоришь: пруссаки. Ступай!

Там снова крик толпы. От дома бежит горничная Сильвина, издали окликает: «мосье Морис!».

Сильвина. Пожалуйста домой. Мадам Жанна вас зовут, мадам уходит, идите!

Морис. А папа?

Сильвина. Его еще нет. Идите!

Оба идут. Франсуа сердито присаживается у грядки.

Морис. Нет, вы понимаете, Сильвина, — он не верит, что война!

Сильвина. Мне очень страшно, мосье Морис. Я боюсь...

Уходят. Франсуа гневно смотрит им вслед, опускает фартук и делает вид, что хочет работать.

Франсуа. Сумасшедшие! Мне семьдесят лет, да. Мне семьдесят лет, а они хотят, чтобы я поверил в пруссаков. Глупости, с ума сошли. Пруссаки... Но это правда, что я ничего не слышу. Иисус-Мария! *(Встает и тщетно прислушивается.)* Нет, ничего. Или что-нибудь? — ах, черт побери, я ничего не слышу! Не может быть. Нет... нет, не может быть. А если?.. Но разве я могу поверить, чтобы в этом тихом небе — в этом тихом небе... Что?

Грозный шум войны растет. Франсуа снова прислушивается и что-то слышит, Лицо его становится осмысленным, глаза приобретают выражение страха и разрешаемого страшного вопроса. Он переходит с места на место, наклоня голову и ловя ускользящие звуки. Вдруг далеко отбрасывает ножницы и всем видом своим, раскрытым старческим ртом, поднятыми руками и бледностью выражает ужас.

Я слышу! — Нет, нет, опять ничего. О Боже мой, да дай же мне услышать!

Снова ускользают звуки, и снова он мучительно ловит их наклоненной головой, вытянутой шеей. Волоса его растрепались, он сам становится страшен, не зная этого. Вдруг чудом воли ясно слышит и полный отчаяния, мятущийся звон колокола и голоса — и отступает, подняв руки.

Боже мой! Они звонят! Они кричат! Война! Какая война? Какая война? Эй, кто там — война!

Набат и крики растут. Быстро идет по дорожке Эмиль Грелье.

Эмиль Грелье. Вы что кричите, Франсуа? Где Морис? В доме никого.

Франсуа. Война.

Эмиль Грелье. Да, да, война. Пруссаки вошли в Бельгию. Но вы ничего не слышите.

Франсуа *(мучительно ловя звуки)*. Я слышу, слышу. Убивают?

Эмиль Грелье. Да, убивают. Пруссаки вошли в Бельгию. Где Морис?

Франсуа. Но, мосье Эмиль, но, мосье — какие же пруссаки? Простите меня, мне семьдесят лет, и я давно ничего не слышу... *(Плачет.)* Это война?

Эмиль Грелье. Да, по-видимому, это война. Я сам еще не понимаю. Но там уже дрались. Я сам еще не понимаю, но это война, старик.

Франсуа. Говорите, говорите, мосье, вам я верю, как Богу. Говорите, я слышу. Убивают?

Эмиль Грелье. Война! Какой это ужас, Франсуа! Очень трудно понять — да, очень, очень трудно понять.

Хмурится и нервно потирает высокий, бледный лоб.

Франсуа *(плачет, сгорбившись и покачивая головой)*. А наши цветы? А цветы наши?

Эмиль Грелье *(рассеянно)*. Цветы? Не плачьте, Франсуа... ах, что это там!..

Набат смолк. Разноголосый крик толпы переходит в стройный, широкий и согласный шум: там кого-то приветствуют или что-то объявили.

(Вслушиваясь.) Постойте! Там ждали короля, он проезжает к Лежу... Да, да!

Там полное молчание — и вдруг громоподобный рев. Вот он переходит в песню: толпа поет бельгийский гимн.

З а н а в е с

ВТОРАЯ КАРТИНА

Приемная комната (холл) в вилле Эмиля Грелье. Все красиво и своеобразно, много воздуха, света и цветов. Большие раскрытые окна, за которыми зелень сада и цветущих кустов. Одно из окон небольшое, почти сплошь закрыто листьями разросшегося винограда.

В комнате двое: Эмиль Грелье и его старший сын Пьер, красивый, несколько излишне бледный и хрупкий молодой человек, одет в военную форму. Медленно ходят по комнате; Пьеру, видимо, хочется ходить быстрее, но из уважения к отцу он замедляет шаги.

Эмиль Грелье. Сколько километров?

Пьер. До Тирлемона километров двадцать пять — тридцать. И здесь...

Эмиль Грелье. Семьдесят четыре или пять...

Пьер. Семьдесят пять... да, километров сто. Недалеко, папá.

Эмиль Грелье. Недалеко. Я вчера слушал ночью. Мне показалось, что слышна канонада.

Пьер. Нет, едва ли.

Эмиль Грелье. Да, я ошибся. Но лучи прожекторов все же видны; вероятно, очень сильные прожекторы. И мамá видела.

Пьер. Да? У тебя опять бессонница, папá?

Эмиль Грелье. Нет, я сплю. Сто километров... сто километров...

Молчание. Пьер внимательно сбоку смотрит на отца.

Пьер. Папá!

Эмиль Грелье. Да? Тебе еще рано. Пьер, — до твоего поезда три часа. Я слежу за временем.

Пьер. Я знаю, папá. Нет, я о другом... Папá, скажи, ты еще надеешься на что-нибудь?

Молчание.

Я не решаюсь, мне немного неловко высказываться в твоём присутствии, ты настолько умнее и выше меня, отец... Да, да, пустяки, конечно, но то, что я узнал за эти дни в армии, оно — видишь ли... не оставляет надежды. Они идут такой сплошной массой людей, железа, машин, орудий, коней, — что остановить их нет возможности. Мне кажется, что сейсмографы должны отмечать то место, по которому они проходят: так давят они на землю. А нас так мало!

Эмиль Грелье. Да, нас очень мало.

Пьер. Очень, очень мало, папá! Ужасно мало! Если бы мы даже были бессмертны и неуязвимы, если бы мы убивали их день и ночь, то и тогда мы скорее упадем от изнеможения и усталости, нежели остановим их. Но мы смертны... и у них ужасные орудия, папá! Ты молчишь? Ты думаешь о нашем Морисе... я сделал тебе больно?

Эмиль Грелье. В их движении мало человеческого. — О Морисе ты также не думай, он будет жив. — У человека есть лицо, Пьер. У каждого человека есть свое лицо, но там нет лиц. Когда я стараюсь представить их, я вижу только огни прожекторов, автомобили, вот эти ужасные орудия, — и что-то идет, что-то идет. И еще эти пошлые усы Вильгельма, — но ведь это маска, неподвижная маска, которая четверть века стоит над

Европой... что за нею? Эти пошлые усы — и вдруг столько несчастья, столько крови и разрушения! Нет, это маска.

Пьер (*почти про себя*). Если бы не так много их, не так много... Мне самому кажется, папа, что Морис останется жив. Он счастливый мальчик. А мама что думает?

Эмиль Грелье. Мама что думает?

Входит Франсуа и угрюмо, ни на кого не глядя и не кланяясь, начинает поливать цветы, поправлять их.

А что думает вот этот? Посмотри на него.

Пьер. Он совсем плохо слышит, Франсуа!

Эмиль Грелье. Я не знаю, слышит он что-нибудь или нет. Однажды он слышал. Но он молчит, Пьер, и с бешенством отрицает войну, отрицает ее работой — один он работает в саду так, как будто ничего не случилось. Наш дом полон беглецов, все в доме и мама хлопочут, кормят их, моют детей — мама моет, — он как будто не видит ничего. Отрицает! Теперь он разрывается от натуги, стараясь услышать или догадаться, о чем мы говорим, но видишь, какое у него лицо! А если ты попробуешь заговорить с ним, он уйдет.

Пьер. Франсуа!

Эмиль Грелье. Оставь его, ему хочется быть хитрым. Может быть, он и слышит... Ты спрашиваешь, что думает мама, — а разве я знаю и кто-нибудь знает? Ты видишь, что ее здесь нет, а ведь это твои последние часы в этом доме... да, в этом доме, я про дом говорю. Она так же молода и решительна, как всегда, она так же сильно движется и так же ясна, но ее нет. Просто ее нет, Пьер.

Пьер. Она скрывает?

Эмиль Грелье. Нет, она ничего не скрывает, но она ушла в такую глубину себя, где все молчание и тайна. Она переживает все свое материнство, с самого начала, понимаешь? — когда вы с Морисом еще не родились, но при этом она хитрит, как и Франсуа. Иногда я ясно вижу, что она страдает нестерпимо, что она полна ужаса перед войной... но она улыбается в ответ, и тогда я вижу другое: что в ней вдруг ожила какая-то доисторическая женщина, та, что подавала мужу боевую палицу... Но, погоди, опять идут солдаты!

Вдали военная музыка. Приближается.

Пьер. Да, по расписанию это девятый полк.

Эмиль Грелье. Послушаем, Пьер. Я несколько раз в день слышу эту музыку. Там, направо, начинается и вон там затихает. Все там.

Слушают.

Но они молодцы!

Пьер. Да.

Оба у окна внимательно слушают; Франсуа искоса смотрит на них и также тщетно старается что-нибудь услышать. Приблизившись, музыка начинает стихать.

Эмиль Грелье (*отходя от окна*). Вчера они играли марсельезу. Но они молодцы!

Быстро входит жена Эмиля Грелье.

Жанна. Вы слышите? Как красиво! Даже наши беглецы улыбнулись, слушая. — Эмиль, я принесла телеграммы, вот. Я уже прочла.

Эмиль Грелье. Ну что же ты! Давай!

Читая, ощупью находит кресло, садится. Бледнеет.

Пьер. Ну что, папá?

Эмиль Грелье. Читай!

Пьер читает через плечо отца. С загадочным выражением смотрит на них женщина. Сидит, закинув все еще красивую, крупную голову совсем спокойно. Эмиль Грелье быстро встает, и оба с сыном начинают ходить в различных направлениях по комнате.

Пьер *(сквозь зубы)*. Ты видишь?

Эмиль Грелье *(так же)*. Да.

Пьер. Нет, ты видишь?

Эмиль Грелье. Да! Да!

Жанна *(как бы равнодушно)*. Эмиль, это была интересная библиотека, которую они сожгли? Я не знаю.

Эмиль Грелье. Да. Очень. — Но что ты спрашиваешь, Жанна! Как ты можешь говорить!

Жанна. Нет, я только потому, что это книги. Скажи, там много было книг?

Эмиль Грелье. Да, много, много!

Жанна. И их сожгли? *(Напевает негромко свежим и сильным голосом.)* ...Лишь ореол искусств венчает — закон, свободу, короля! Закон...

Эмиль Грелье. Книги, книги.

Жанна. И там еще был собор, о, я его помню. Не правда ли, Эмиль, это было красивое здание? *(Напевает.)* Закон, свободу, короля...

Пьер. Папá!

Эмиль Грелье. Что?

Ходит.

Жанна. Пьер, тебе скоро уходить. Я сейчас дам тебе покушать. Как ты думаешь, Пьер, это правда, что они убивают женщин и детей? Я еще не знаю.

Пьер. Правда, мамá.

Эмиль Грелье. Что ты говоришь, Жанна! Ты не знаешь!

Жанна. Нет, я только потому, что это дети. Да, там пишут, что и дети, там это пишут. И все уместилось на этой бумажке: и дети, и огонь...

Быстро встает и уходит, напевая.

Эмиль Грелье. Куда ты, Жанна?

Жанна. Я так. Франсуа, ты слышишь: они убивают женщин наших и детей. Франсуа! Франсуа!

Не оборачиваясь, угрюмо согнув спину, Франсуа выходит. Все смотрят ему вслед. Со странной полуулыбкой Жанна идет в другие двери.

Пьер. Мамá!

Жанна. Я сейчас вернусь.

Эмиль Грелье и Пьер одни.

Эмиль Грелье. Как их назвать? Нет: как их назвать? Милый мой Пьер, мальчик мой — как мне их назвать?

Пьер. Ты очень волнуешься, папá...

Эмиль Грелье. Я думал всегда, я был уверен, что слово мне подвластно, но вот я стою перед этим чудовищным, непонятым, и я не знаю, и я не знаю: как их назвать? Сердце мое кричит, я слышу его голос — но слово! Пьер, ты студент, ты еще мальчик, твоя речь непосредственна и чиста — Пьер, найди мне слово!

Пьер. Мне ли его найти, папá? Да, я был студентом и тогда я знал еще какие-то слова: мир, право, человечность, но теперь ты видишь! Сердце мое также кричит, но как назвать этих негодяев, я не знаю. Негодяи? Но этого мало. *(С отчаянием.)* Все мало!

Эмиль Грелье. Ты видишь: все мало? Пьер, это решено.

Пьер. Решено?

Эмиль Грелье. Да. Я иду.

Пьер. Ты, папá?

Эмиль Грелье. Уже несколько дней я решил это, еще тогда, в самом, кажется, начале; и, право, не знаю, почему я... Ах да: мне надо было преодолеть в себе нечто... мою любовь к цветам. *(Иронически.)* Да, Пьер, мою любовь к цветам. Ах, мой мальчик: ведь так трудно перейти от цветов к железу и крови!

Пьер. Папá! Я не смею возражать тебе...

Эмиль Грелье. Да, да, ты не смеешь, не надо. Послушай, Пьер, мне необходимо, чтобы ты освидетельствовал меня как врач.

Пьер. Я еще только студент, папá.

Эмиль Грелье. Да, но ты знаешь достаточно, чтобы сказать... Видишь ли, Пьер, я не должен обременять нашу маленькую армию одним лишь больным и слабым человеком. Не правда ли? Я должен принести с собою силу и крепость, а не расстроенное здоровье. Не правда ли? И я прошу тебя, Пьер, освидетельствуй меня, просто как врач, как молодой врач. Но мне с тобою немного неловко... Я должен это снять или можно и так?

Пьер. Можно и так.

Эмиль Грелье. Я думаю, что можно... И... я должен тебе рассказывать все или?.. Скажу, во всяком случае, что у меня не было никаких серьезных болезней, и для моих лет я вообще довольно здоровый и крепкий человек. Ты знаешь, как я живу...

Пьер. Этого не нужно, папá.

Эмиль Грелье. Нет, нужно, ты врач. Я хочу сказать, что в моей жизни не было тех вредных... и дурных излишеств... О, черт возьми, как это, однако, трудно!

Пьер. Папá, я ведь знаю!

Быстро целует у отца руку. Молчание.

Эмиль Грелье. Но пульс необходимо послушать, Пьер, я тебя прошу!

Пьер *(слабо улыбаясь)*. Да и этого не надо. Как врач я могу сказать тебе, что ты здоров, но... ты негоден для войны, ты негоден, папá! Я слушаю тебя, и мне хочется плакать, мне

хочется плакать, папá!

Эмиль Грелье (*задумчиво*). Да. Да. — Но, может быть, и не надо плакать. Ты думаешь, Пьер, что я, Эмиль Грелье, ни в каком случае и никогда не должен убивать?

Пьер (*тихо*). Я не смею касаться твоей совести, папá.

Эмиль Грелье. Да, это страшный для человека вопрос. Нет, я должен убивать, Пьер. Конечно, я мог бы взять ваше ружье, но не стрелять — нет, это была бы гадость, Пьер, кощунственный обман! Когда мой кроткий народ осужден, чтобы убивать, то кто я, чтобы сохранить мои руки в чистоте? Это была бы подлая чистота, Пьер, гнусная святость, Пьер! Мой кроткий народ не хотел убивать, но его вынудили, и он стал убийцей — ну, значит, и я стану убийцей вместе с ним. И на чьи же плечи возложу я грех: на плечи юношей наших и детей? Нет, Пьер. И если когда-нибудь Высшая Совесть мира позовет к страшному ответу мой милый народ, позовет тебя, Мориса, моих детей, и скажет вам: «Что вы сделали? Вы убивали!» — я выйду вперед и скажу: суди меня сначала, я также убивал, — а Ты знаешь, что я честный человек!

Пьер сидит неподвижно, закрыв лицо руками. Входит Жанна, ее не замечают.

Пьер (*открывая лицо*). Но ты не должен сам умирать! Ты не имеешь права!

Эмиль Грелье (*громко и презрительно*). Ах, это!

Оба видят Жанну и умолкают. Жанна садится и говорит все с тем же странным, как будто веселым спокойствием.

Жанна. Эмиль, она опять пришла.

Эмиль Грелье. Да? Она опять пришла. Где она была две эти ночи?

Жанна. Она сама не знает. Эмиль, платье и руки ее были в крови.

Эмиль Грелье. Она ранена?

Жанна. Нет, это не ее кровь, а по цвету я не могла разобрать, чья.

Пьер. Кто это, мамá?

Жанна (*неопределенно*). Девушка одна. Так. Безумная. Теперь я причесала ее и надела чистое платье. У нее прекрасные волосы. — Эмиль, я кое-что слыхала: ты хочешь также идти?

Эмиль Грелье. Да.

Жанна. Туда, где твои дети, Эмиль?

Эмиль Грелье. Да, Пьер освидетельствовал меня и нашел, что я могу стать в ряды.

Жанна. Ты думаешь завтра идти, Эмиль?

Эмиль Грелье. Да.

Жанна. Да. Сегодня ты не успеешь. А тебе осталось всего полтора часа, Пьер.

Молчание,

Пьер. Мамá! Скажи ему, что он не смеет... прости, папá, — что он не должен идти. Не правда ли, мамочка? Скажи ему. Он отдал народу двух сыновей — и что же еще? Остального он не смеет.

Жанна. Остального, Пьер?

Пьер. Да — своей жизни. Ты его любишь, ты сама умрешь, если его убьют, — скажи ему, мамá.

Жанна. Да, я люблю. Вас я также люблю.

Пьер. О, что такое мы, Морис и я! Но он... Как не смеют на войне разрушать храмы и сжигать библиотеки, как не смеют касаться вечного, так и он... он... не смеет умирать. Я говорю не как сын твой, нет — но убить Эмиля Грелье, ведь это хуже, чем сжечь какую-то книгу! Послушайте меня, вы, родившие меня, послушайте, хотя я юноша и должен был бы молчать... Послушайте! Они уже ограбили нас — как жестоко, как подло они ограбили нас. Они лишили нас земли и воздуха, они лишили нас сокровищ, которые создал Гений нашего народа, — и теперь мы сами бросим в ихнюю пасть наших лучших людей! Что это? Что же останется тогда у нас? Пусть убьют нас всех, пусть в дикую пустыню обратится земля и в огне выгорит всякое дыханье жизни, но пока он жив — Бельгия жива! А что без него?.. Ах, да не молчи же, мамá! Скажи ему!

Молчание.

Эмиль Грелье (*с некоторой суровостью*). Успокойся, Пьер.

Жанна. Вчера я... Нет, Пьер, я не о том — о том я ничего не знаю. Как могу я знать? Но вчера я — у нас здесь уже трудно найти овощи и даже хлеб, и я ездила в город, но почему-то мы поехали не туда, а ближе к сражению... Как это странно, что мы оказались там! И вот я увидела их, они шли...

Эмиль Грелье. Кто?

Жанна. Наши солдаты. Они шли оттуда, где четыре дня было сражение, и их было немного, ну как — сто или двести. Все, что осталось. Но мы все, на улице еще было много народу, мы все отодвинулись к стене, чтобы дать им дорогу — Эмиль, подумай, как странно: они не видели нас и могли наткнуться. Они были черные от дыма, от грязи, от засохшей крови и шатались от усталости. И все очень худые, как в чахотке. Но это ничего, это все ничего, а вот глаза... что это такое, Эмиль? В них не было окружающего, в них все еще стояло отражение того, что видели они там: все еще огонь, все еще дым и смерть — и что еще? Кто-то сказал: вот люди, которые возвращаются из ада. Но они не слышали. Мы все кланялись им — кланялись им, но они не видели и этого. Так может быть, Эмиль?

Эмиль Грелье. Да, Жанна, может быть.

Пьер. И в этот ад пойдет он?

Молчание. Эмиль Грелье подходит и молча целует руку у жены, та смотрит с улыбкой на его голову. Но вдруг встает.

Жанна. Прости, мне еще надо сказать...

Идет быстро и легко, но вдруг, точно споткнувшись на невидимое препятствие, падает на одно колено. Пробует подняться, но падает на другое. Бледная, но все еще улыбаясь, медленно клонится на бок. К ней бросаются и поднимают ее.

Пьер. Мамá! Мамá!

Эмиль Грелье. У тебя закружилась голова? Жанна,

милая... что с тобой?

Она отталкивает их, стоит твердо, старается скрыть сильную дрожь рук.

Жанна. А что такое? Что? Пусти же меня, Эмиль. Голова? - нет, нет. Просто подвернулась нога, знаешь, эта, которая болела... Видишь, я уже иду.

Эмиль Грелье. Стакан воды, Пьер.

Жанна. Зачем? Как все нелепо.

Но Пьер уже вышел. Жанна садится, опускает голову, как виноватая, старается не смотреть в глаза.

Какой горячий юноша, твой Пьер. Ты слышал, что он говорит?

Эмиль Грелье (*значительно*). Жанна!

Жанна. Что? Нет, нет — что ты так смотришь на меня. Да нет же — я тебе говорю!

Пьер приносит и подает воду, но Жанна не пьет.

Благодарю, Пьер, но я не хочу.

Молчание.

Как пахнут цветы. Пьер, дай мне, пожалуйста, ту розу... да, ту. Благодарю. Как она свежа, Эмиль, и какой славный запах — подойди, Эмиль.

Эмиль Грелье подходит и целует руку жены, в которой роза. Быстро взглядывает на Жанну.

(*Опускает руку.*) Нет, я только потому, что этот запах кажется мне бессмертным — и он всегда один, как небо. Как это странно, что он всегда один. И когда поднесешь ее к лицу так близко — и закроешь глаза — то кажется, что нет ничего, кроме красной розы и синего неба. Красной розы и далекого, бледного, такого бледного — голубого неба...

Эмиль Грелье. Пьер!.. послушай меня, мой мальчик. Об этом говорят только ночью, когда одни со своей душой, — и она это знает, но ты еще нет. Ты знаешь, Жанна?

Жанна (*вздвигнув и открывая глаза*). Да. Я знаю, Эмиль.

Эмиль Грелье. Жизнь поэта не принадлежит поэту. Кровля, которая кроет головы людей, вот эти стены, которые их защищают — все призрак для меня, и жизнь моя не мне принадлежит. Я всегда далеко и не здесь, я всегда там, где меня нет. Ты думаешь найти меня среди живых, а я мертв; ты в смерти боишься найти меня немым, холодным, обреченным тлену — а я живу, я громко пою из гроба! Та смерть, что делает безгласными людей, что налагает печать молчания на самые бойкие уста — поэту возвращает голос. Мертвый, я говорю громче, чем живой, мертвый — я живу! И мне ли — подумай, Пьер, мой мальчик! — мне бояться смерти, когда в самых упорных поисках моих я не мог найти границы между смертью и жизнью, когда в чувстве моем я смешиваю их воедино... как два крепких, божественных вина! Подумай, Пьер, мой мальчик.

Молчание. Эмиль Грелье улыбаясь смотрит на сына, закрывшего лицо руками. Совершенно спокойна по виду женщина и неторопливо переводит глаза с плачущего сына на мужа.

Пьер (*открывая лицо*). Прости меня, папá.

Жанна. На тебе розу, Пьер... а когда она осыплется и завянет, сорви другую: она будет пахнуть, как эта. Ты глупенький мальчик, Пьер, но ведь и я глупая тоже, хотя Эмиль так добр, что думает другое. Вы будете в одном полку, Эмиль?

Эмиль Грелье. Нет, едва ли, Жанна.

Пьер. Тогда уже, папá, лучше в одном. Я это устрою, папá, — ты позволишь? И я тебя поучу ходить, — ведь я буду твоим начальством.

Эмиль Грелье (*улыбаясь*). Хорошо.

Жанна (*идет, негромко напевая*). ...Лишь ореол искусств венчает — закон, свободу, короля... Кто это? Ах, это ты. Смотри, Пьер, вот девушка, которую ты хотел видеть. Войди, войди, дитя мое милое, не бойся, войди. Его ты знаешь, это мой муж, он очень добрый человек и не обидит тебя, а это мой сын, Пьер. Дай ему руку.

Вошла девушка, худенькая, очень бледная, красивая. На ней черное платье, прическа ее скромна, как и движения. В больших глазах застывший испуг и тоска. Следуя за ней, из той же двери показываются: горничная Сильвина, пожилая добрая женщина в белом чепце, м-м Генриетта и еще какая-то женщина — домочадцы и слуги Грелье. Останавливаются у порога и с любопытством следят за девушкой; пожилая женщина плачет, глядя на нее.

Девушка (*протягивая руку Пьеру и приседая*). О, это солдат. Будь добр, солдат, скажи, как пройти мне к Лонуа? Я потеряла дорогу.

Пьер (*смущенно*). Я не знаю, мадемуазель.

Девушка (*печально оглядывая всех*). Кто же знает? Мне пора идти.

Жанна (*осторожно и ласково усаживая ее*). Сядь дитя мое, отдохни, моя милая, дай оправиться твоим бедным ножкам. Пьер, у нее изранены ноги, но она все хочет идти.

Пожилая женщина. Я хотела удержать ее, мосье Пьер, но ее нельзя удерживать. Если перед нею закрыть дверь, бедняжка начинает биться о стены, как залетевшая ласточка. Бедная девочка!

Вытирает слезы... Со стороны сада, в наружную дверь вошел Франсуа и, отворачиваясь, снова занялся чем-то у цветов. Искоса следит за девушкой; видны его мучительные усилия что-нибудь услышать и понять.

Девушка. Мне надо идти.

Жанна. Отдохни у нас, дитя мое. Зачем уходить? Ночью так страшно на дорогах. Там в черном воздухе вместо наших милых пчел жужжат пули, там бродят злые люди, злые звери. И никто тебе не скажет и никто не знает, как пройти к Лонуа.

Девушка. А ты разве не знаешь, как пройти мне к Лонуа?

Пьер (*тихо*). Что она спрашивает?

Эмиль Грелье. О, можешь говорить громко, она слышит так же мало, как и Франсуа. — Селенье, которое сожгли пруссаки; прежде там был ее дом, а теперь только развалины и трупы. Нет дороги к ее Лонуа!

Девушка. И ты не знаешь? Никто не знает. Я всех спрашиваю, и никто не может сказать, как пройти мне к Лонуа. Мне надо торопиться, меня ждут. (*Быстро встает и подходит к Франсуа.*)

Скажи, ты добрый, ты не знаешь, как пройти мне к Лонуа?

Франсуа исподлобья смотрит на нее; молча поворачивается и выходит, сильно горбясь: есть волчье в его походке.

Жанна (*снова усаживая ее*). Сядь, девочка моя милая. Он также не знает.

Девушка (*печально*). Я спрашиваю, а они молчат.

Эмиль Грелье. Вероятно, она спрашивает и трупы, которые лежат на полях и в канавах, как пройти ей к Лонуа.

Жанна. На руках и одежде ее была кровь. Она ходит ночью. Отдохни, моя девочка, вот я обниму тебя, и тебе будет хорошо и спокойно. Деточка моя!

Девушка (*тихо*). Скажи, как пройти мне к Лонуа?

Жанна. Да, да, пойдем. Эмиль, я пройду с ней в мою комнату, там она спокойнее. Идем, моя милая, вот я обниму тебя. Идем.

Выходят обе; вместе с ними и остальные женщины. Эмиль Грелье и Пьер одни.

Эмиль Грелье. Какое-то Лонуа! Какое-то тихое местечко, которого никто не замечал, — дома, деревья и цветы. Где оно теперь? Кто знает к нему дорогу, Пьер, — это душа нашего народа бродит среди ночи и спрашивает трупы, как пройти ей к Лонуа! Пьер, я больше не могу! Меня душат ненависть и гнев. О, плачь, народ германский, — горька будет участь твоих детей, страшен будет твой позор перед судом свободных народов!

Занавес

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Ночь. В глубине направо темный силуэт виллы Эмиля Грелье, ее характерный угол. Ближе, среди деревьев, небольшая привратничья, завитая плющом; в окне тусклый свет. У чугунной ограды, за которой даль, собрались испуганные женщины и смотрят на далекий пожар.

Кровавое, беспокойное зарево охватывает почти все небо, и только в зените небо темнеет по-ночному. Отсветы зарева падают на предметы и людей; дают жуткие отражения в зеркальных стеклах немой и темной виллы. Голоса звучат сдержанно и робко; частые паузы и продолжительные вздохи.

Женщин три.

Генриетта. Боже мой, Боже мой, как это ужасно! Горит и горит, и нет конца огню.

Вторая женщина. Вчера горело дальше и там, а сегодня ближе. Оно становится ближе, о Господи!

Генриетта. Горит и горит, и нет этому конца. Сегодня днем солнце было как в тумане.

Вторая женщина. Все горит, а солнце гаснет. Теперь ночью светлее, чем днем.

Сильвина. Мне страшно!

Генриетта. Молчи! Молчи, Сильвина.

Молчание.

Вторая женщина. И ничего не слышно. Что там горит такое? Если закрыть глаза, то можно подумать, что ничего и нет. Так тихо! — Даже собаки не лают.

Генриетта. А я и с закрытыми глазами все вижу это. — Смотрите, как будто бы сильнее!

Сильвина. Ой, мне страшно!

Вторая женщина. Где это может гореть?

Генриетта. Не знаю. Горит и горит, и нет этому конца. Может быть, там уже все погибли. Может быть, там делается что-то ужасное, а мы смотрим и ничего не знаем.

Тихо подходит четвертая женщина.

Четвертая женщина. Здравствуйтесь.

Сильвина (*сдержанно*). Ой!

Генриетта. Ой, вы нас напугали. Здравствуйтесь, соседка.

Четвертая женщина. Здравствуйтесь, мадам Генриетта. Ничего, что я пришла, очень страшно дома. Я так и догадалась, что вы не спите и смотрите. От вас хорошо видно. Вы не знаете, где это горит?

Вторая женщина. Нет. И ничего не слышно, какая тишина!

Генриетта. Горит и горит. — Про вашего мужа вы ничего не слышали?

Четвертая женщина. Нет, ничего. Я уж и плакать перестала.

Генриетта. А с кем же сейчас ваши дети?

Четвертая женщина. Одни. Они спят. Это правда, я слыхала, что мосье Пьера убили?

Генриетта (*волнуясь*). Вы подумайте: я не знаю. Я просто не понимаю, что это такое. Вы знаете, что в доме теперь никого, и мы боимся там спать...

Вторая женщина. Мы все трое спим здесь, в привратницкой.

Генриетта. Я и днем боюсь туда заглядывать: такой большой и такой пустой дом! И мужчин нет никого, ни одной души...

Четвертая женщина. Это правда, что Франсуа ушел стрелять пруссаков? Я так слыхала.

Генриетта. Может быть, все говорят, но мы не знаем. Он скрылся тихо, как мышь.

Четвертая женщина. Его повесят, таких вешают пруссаки.

Генриетта. Постойте, постойте — и вот сегодня из сада я слышу, что телефон в доме звонит, и, вероятно, уже давно. Я так испугалась, а потом все-таки пошла... И вы подумайте! Кто-то говорит: мосье Пьер убит!

Вторая женщина. И больше ничего?

Генриетта. И больше ничего, ни слова! И все замолчало, и мне стало так страшно и нехорошо, что я едва выбежала. Теперь я ни за что не войду туда!

Четвертая женщина. А чей голос?

Вторая женщина. Мадам Генриетта говорит, что голос совсем незнакомый.

Генриетта. Да, незнакомый.

Четвертая женщина. Смотрите: окна в доме как будто светятся, там кто-то есть!

Сильвина. Ой, мне страшно. Я не могу!

Генриетта. Ну что вы, ну что вы! Там никого не может быть.

Вторая женщина. Это от зарева.

Четвертая женщина. А если там кто-нибудь опять звонит?

Генриетта. Ну что вы! Ночью!

Все прислушиваются. Тишина.

Вторая женщина. Что будет с нами? Они идут сюда, и ничто не может их остановить.

Четвертая женщина. Я хотела бы скорее умереть. Когда умрешь, ничего не будешь слышать и видеть.

Генриетта. И так всю ночь: горит и горит. А днем опять не будет видно от дыма, и хлеб будет пахнуть гарью. Что там делается?

Четвертая женщина. И мосье Пьера убили.

Вторая женщина. Убили. Убили.

Сильвина. Не надо говорить. Боже мой, куда же мне уйти! Я не могу совсем, я этого не понимаю.

Тихо плачет.

Четвертая женщина. Говорят, что их двадцать миллионов, и что они уже сожгли Париж. И что у них такие пушки, которые могут стрелять на сто километров...

Генриетта. Боже мой, Боже мой, и все это идет на нас...

Вторая женщина. Боже милосердный, сжался над нами!

Четвертая женщина. И они летают и с воздушных кораблей

бросают бомбы, страшные бомбы, которые разрушают целые города...

Генриетта. Боже мой, что сделали они с небом! Прежде в небе Ты был один, а теперь и там подлые пруссаки!

Вторая женщина. Прежде, когда душа хотела покоя и радости, я смотрела в небо, а теперь некуда смотреть бедному человеку!

Четвертая женщина. Все отняли у нашей Бельгии, даже небо! Я хотела бы скорей умереть, уже нечем становится дышать. *(Внезапно пугаясь.)* Послушайте, вы не думаете, что сейчас мой муж, мой муж...

Генриетта. Нет, нет.

Четвертая женщина. Отчего же такое зарево? Что там горит?

Вторая женщина. Сжался над нами, Боже! Оно как будто идет сюда!

Молчание. Тишина. Зарево колыхается над землею, безмолвно дышит огнем.

Занавес

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Сумрачный рассвет. Солнце взошло уже давно, но его не видно за густой пеленой тумана и дыма.

Большая комната в вилле Э. Грелье, приспособленная к тому, чтобы в ней могли находиться раненные. Их двое: сам Эмиль Грелье, серьезно раненный в плечо, и сын Морис, у которого легкая рана на правой руке. Большое окно, задернутое полупрозрачными портьерами, дает слабый синеватый свет, в котором с трудом различаются постели под белыми одеялами. Оба раненные как будто еще спят. В кресле, у постели Эмиля Грелье, неподвижная фигура в белом — это Жанна. Тихо.

Эмиль Грелье (*тихо*). Жанна!

Жанна (*быстро наклоняется к постели*). Тебе дать воды?

Эмиль Грелье. Нет. Ты устала.

Жанна. Нет, ничего, я дремала всю ночь. Ты не можешь спать, Эмиль?

Эмиль Грелье. Который час?

Она неслышно подходит к окну и, слегка отодвинув портьеру, рассматривает маленькие часики, так же неслышно возвращается.

Жанна. Еще рано. Ты, может быть, заснешь, Эмиль? Мне кажется, что тебе очень больно, ты стонал ночью.

Эмиль Грелье. Нет, мне легче. Какое утро?

Жанна. Плохое, Эмиль. Туман, и солнца не видно. Засни.

Молчание. Тишина. Вдруг на своей постели вскрикивает во сне Морис; крик переходит в стон и невнятное бормотание. Жанна подходит и прислушивается, потом возвращается назад.

Эмиль Грелье. Мальчик ничего?

Жанна. Ничего, будь спокоен, Эмиль. Это он во сне.

Эмиль Грелье. Сегодня он несколько раз так.

Жанна. Я боюсь, что он тебе мешает. Его можно <поместить> в другой комнате, и с ним будет Генриетта. У мальчика здоровая кровь, через неделю можно будет, кажется, снять повязку.

Эмиль Грелье. Нет, пусть тут. Жанна!

Жанна. Что, дорогой мой?

Становится у постели на колена и целует осторожно неподвижную руку, лежащую поверх одеяла.

Эмиль Грелье. Жанна...

Жанна. Жар, кажется, меньше... дорогой мой.

Приникает долгим поцелуем к руке.

Эмиль Грелье. Ты моя любовь, Жанна.

Жанна. Молчи, молчи. Не волнуйся.

Короткое молчание.

Эмиль Грелье (*беспокойно передвигает голову*). Мне трудно дышать, здесь воздух...

Жанна. Окно открыто всю ночь, мой милый. Такой воздух неподвижный.

Эмиль Грелье. Дым.

Жанна. Да.

Морис (*вскакивает снова, бормочет*). Стой, стой, стой! (*Снова невнятно.*) Оно горит, горит оно! Ой! Кто на батарее, кто

на батарею...

Бормочет и затихает.

Эмиль Грелье. Тяжелые сны.

Жанна. Это ничего, мальчик и всегда любил поговорить во сне. А вчера у него был такой свежий вид.

Эмиль Грелье. Жанна!

Жанна. Что, дорогой мой?

Эмиль Грелье. Сядь.

Жанна. Хорошо.

Эмиль Грелье. Жанна... А о Пьере ты думаешь?

Молчание.

Жанна (*тихо*). Не надо.

Эмиль Грелье. Да, не надо. Смерть, это вовсе не так страшно, правда, Жанна?

Жанна (*после некоторого молчания*). Правда.

Эмиль Грелье. Потом пойдем к нему мы. Он сюда не придет, но мы к нему пойдем. Мне ночью что-то казалось, я об этом думал. Так ясно! Ты помнишь красную розу, которую ты ему дала? Я помню.

Жанна. Да.

Эмиль Грелье. Так ясно! Жанна, наклонись ко мне. Ты лучше всех.

Молчание.

(*Мечется.*) Мне трудно дышать.

Жанна. Дорогой мой...

Эмиль Грелье. Нет, ничего. Это ночь мучает меня, Жанна, мне это приснилось или действительно была слышна канонада?

Жанна. Да, была слышна — в пятом часу. Но очень далеко, Эмиль, едва слышно. Закрой глаза, милый, отдохни.

Молчание.

Морис (*негромко*). Мама!

Жанна (*неслышно подходит*). Проснулся?

Морис. Да. Больше не хочется. Что папа?

Жанна. Он не спит.

Эмиль Грелье. Здравствуй, Морис.

Морис. Доброе утро, папа. Как ты себя чувствуешь? Я хорошо.

Эмиль Грелье. Я тоже. Жанна, можно открыть, я спать не буду.

Жанна. Да, можно уже. — Видишь, какой плохой день, но все-таки при свете тебе легче будет дышать.

Постепенно, чтобы не сразу свет, открывает драпри. За большим окном смутные силуэты деревьев, у самых рам несколько поникшие цветы. Морис уже задвинул свои ширмочки и что-то возится там.

Жанна. Ты что, Морис?

Морис. Да шинель... Ничего, я сам. (*Виновато.*) Нет, мама, помоги.

Жанна (*уходя за ширмы*). Какой ты глупый, Морис. (*За ширмой.*) Осторожнее, осторожнее, ну — так! Не торопись,

осторожнее.

Морис *(за ширмой)*. Ты мне здесь заколи, как вчера. Так очень удобно.

Жанна *(за ширмой)*. Ну, конечно. Погоди, потом поцелуешь... Ну? Так.

Морис выходит, правая рука у него на перевязи. Подходит к отцу и сперва целует его руку, потом, по его знаку глазами, целует в губы.

Эмиль Грелье. Здравствуй, здравствуй, мой миленький.

Морис *(оглядываясь на ширмы, где мать убирает постель)*. Папá, посмотри.

Вынимает руку из повязки и быстро выпрямляет ее. Потом так же быстро прячет обратно. Эмиль Грелье слегка грозит ему пальцем. Жанна отставляет ширмы, за которыми уже убранная постель.

Жанна. Ну вот, готово. Пойдем, Морис, в ванную, я тебя умою.

Морис. Ни за что! Я сегодня сам. Я вчера вечером уже сам умывался левой рукой, и превосходно. *(Подходя к раскрытому окну.)* Какая гадость, однако! Эти негодяи совсем испортили день. А все-таки тепло и пахнет цветами. Нет, хорошо. Папá, очень хорошо!

Эмиль Грелье. Да. Приятно.

Морис. Ну, я пойду.

Жанна. Зубы почисти, ты вчера этого не сделал, Морис.

Морис *(ворчит)*. Ну, стóит сейчас! — Хорошо, хорошо, я сделаю. *(От двери.)* Папá, а знаешь: сегодня будут хорошие вести, я это чувствую.

Слышно, как он звонким голосом кричит: «Сильвина!»

Эмиль Грелье. Мне легче, Жанна. Совсем легче. Кто-нибудь поливает цветы?

Жанна. Да, насколько возможно. Сейчас я дам тебе кофе... ты сегодня много лучше выглядишь, много лучше!

Эмиль Грелье. Это что?

Жанна. Одеколон с водой, я вытру лицо, и тебе станет свежее. Вот так, вот и снова у меня маленькие дети, которых надо мыть, вот и снова... Видишь, как приятно!

Эмиль Грелье. Да. Что он говорит про хорошие вести?

Жанна. Это он так, он очень счастлив, оттого что он герой!

Эмиль Грелье. Ты знаешь что-нибудь новое?

Жанна *(неопределенно)*. Нового ничего — что же может быть нового?

Эмиль Грелье. Говори. Ты была решительнее, Жанна. Говори, дорогая.

Жанна. Разве решительнее? Может быть... Это я ночью привыкла с вами говорить тихо. Но - как тебе сказать это, Эмиль... они идут...

Эмиль Грелье. Идут?

Жанна. Да. Ты же знаешь, сколько их и сколько нас. Ты не волнуйся, но сегодня нам, вероятно, придется уехать в Антверпен.

Эмиль Грелье. Они близко?

Жанна. Да, недалеко. Очень близко. *(Напевает.)* Le roi, la

loi, la liberte...^{*} Очень близко. Я тебе еще не сказала, что вчера король справлялся о твоём здоровье. Я ответила, что тебе лучше и что ты можешь сегодня поехать.

Эмиль Грелье. Да, конечно, могу. А что он говорил о тех?..

Жанна. Что говорит король? *(Напевает то же.)* Что их слишком много.

Эмиль Грелье. А еще? А еще, Жанна?

Жанна. А еще? А еще, Эмиль, что есть Бог и справедливость. Так мне слышалось, Эмиль: есть еще Бог и справедливость. Не правда ли, какие старые слова, Эмиль? — но так хорошо, что они еще существуют.

Молчание.

Эмиль Грелье. Да, ты днем другая. Откуда у тебя столько силы, Жанна?

Жанна. Откуда?

Эмиль Грелье. Да. Я все смотрю на твои волосы: отчего они не белеют?

Жанна. Я их крашу ночью, Эмиль. — Сейчас я принесу еще цветов. Теперь у тебя совсем уютно. Да, я еще не сказала: сегодня кто-то будет у тебя. Министр Лагард и с ним кто-то, кто зовется граф Клермон.

Эмиль Грелье. Граф Клермон? Я не знаю.

Жанна. Так и нужно, чтобы ты не знал. Это просто называется граф Клермон, граф Клермон... это хорошее имя для очень хорошего человека.

Эмиль Грелье. Я знаю одного очень хорошего человека в Бельгии...

Жанна. Тес! Ты ничего не должен знать. Ты должен только запомнить: граф Клермон. Им необходимо о чем-то очень важном переговорить с тобой, я так думаю. И тебе пришлют автомобиль, чтобы ехать в Антверпен...

Эмиль Грелье *(улыбаясь)*. Граф Клермон?

Жанна *(так же)*. Да. Тебя все очень любят, Эмиль, но если бы я была король, я прислала бы тебе аэроплан. *(Закидывая руки с печалью, которую тщетно старается подавить.)* Ах, так хорошо теперь подняться над землей и полететь... и долго, долго, долго лететь!

Входит Морис.

Морис. Вот я и готов, почистил зубы и был даже в саду. Я немного, немного, мамá! Но почему я раньше не замечал, что у нас такой красивый сад? Папá, наш сад удивительно красив!

Жанна. Сейчас будет кофе. Если он станет мешать тебе болтовней, Эмиль, позови меня.

Морис. О! Я не думал, прости, папá! Я не буду!

Эмиль Грелье. Говори, говори. Мне совсем лучше, почти хорошо.

Жанна. Но тебе надо беречь силы, не забудь, Эмиль.

Выходит.

^{*} Король, закон, свобода... *(франц.)*

Морис (*скромно садясь у окна*). Может быть, мне действительно помолчать, папá?

Эмиль Грелье (*слабо улыбаясь*). А ты это можешь?

Морис (*краснея*). Нет, папá, сейчас не могу. Я, вероятно, кажусь тебе еще очень молодым, папá?

Эмиль Грелье. А ты как думаешь сам?

Морис (*снова краснея*). Да, это правда. Но все же отдай мне справедливость: я уже не так молод, как три недели назад. Да, всего только три недели... Помню набат на нашей церкви, помню, как я тормозил Франсуа... как странно, что Франсуа пропал без вести. Что это значит: человек пропал без вести?.. Вдруг пропал без вести! Прежде все так видно было на земле.

Эмиль Грелье. Да.

Морис. Папá! Почему таких вешают, как Франсуа! Это жестоко и глупо... извини, что я так резко говорю. Но разве старый должен меньше любить свою землю, чем я, например? Старые любят еще больше, и пусть всякий дерется как умеет. Я не утомляю тебя, папá? К нам пришел один такой, совсем дряхлый, просил патронов — ну пусть повесят и меня: я ему дал. Некоторые из нашего полка над ним шутили, но он сказал: если только одна прусская пуля попадет в меня, то значит, у пруссаков будет на пулю меньше. Мне это понравилось, папá.

Эмиль Грелье. Да. Мне так же. Ты слышал канонаду на... на рассвете?

Морис. Нет! А разве, папá?..

Эмиль Грелье. Да, стреляли. Мама́ говорила тебе: они приближаются, идут.

Морис (*вставая*). Да? Не может быть!

Эмиль Грелье. Идут. И сегодня нам надо уезжать в Антверпен.

Морис. Да? (*Быстро и легко ходит по комнате, забыв о раненой руке. Взволнован, сжимает кулак.*) Папá! Скажи, что ты думаешь о положении вещей?

Эмиль Грелье. Мама́ говорит: еще есть Бог и справедливость.

Морис (*поднимая руку*). Мама́ говорит... пусть Бог благословит мою мама́! Я не знаю... я... ну хорошо, ну хорошо! Мы еще посмотрим, мы еще посмотрим! (*По-ребячьи кривит лицо, стараясь удержать слезы.*) Я еще за Пьера им должен! Извини, папá, я знаю, что я не смею так, но пойми, что я совсем другое дело, чем ты! Ну и нехорошо, ну и не могу я. Я сегодня в саду смотрел на твои цветы, и мне стало так жалко... тебя, что ты их растил... Мерзавцы!

Эмиль Грелье. Морис!

Морис. Мерзавцы! Не хочу их считать за людей и не стану!

Жанна входит.

Жанна. Морис, что это? Как нехорошо!

Морис. Пусть!

На ходу левой рукой крепко обнимает мать и целует ее.

Жанна. Ну хоть сядь — тебе вредно так ходить.

Эмиль Грелье. Сядь, Морис.

Морис садится у окна лицом к саду. Жанна спрашивает глазами, что с ним. Эмиль Грелье печально улыбается и устало закрывает глаза. Сильвина, горничная, вносит кофе, приготовляет на столике около кровати Эмиля Грелье.

Сильвина. Доброе утро, мосье Эмиль.

Эмиль Грелье (*открывая глаза*). Доброе утро, Сильвина.

Сильвина выходит.

Жанна. Иди завтракать, Морис.

Морис (*не оборачиваясь*). Я не хочу. Мама́, я завтра сниму повязку.

Жанна (*смеется*). Солдат, неужели ты капризничаешь?

Молчание. Жанна помогает Эмилю Грелье пить кофе.

Дай твою голову, Эмиль. Так. Удобно тебе так, или лучше ложечкой? О моя бедная голова, такая слабая!..

Морис (*подходя*). Извини меня, папа́, я больше не буду. Я очень глупо погорячился, но, знаешь ли, никакого терпение этого не выдержит! Мне можно взять чашку, мама́?

Жанна. Да, это твоя. Теперь прошло?

Морис. Прошло, мама́.

Эмиль Грелье. Мне сегодня совсем хорошо, Жанна. А когда перевязка?

Жанна. Вероятно, уже потом... Граф Клермон привезет сегодня своего хирурга...

Морис. Кто это, мама́? Я его видал?

Жанна. Увидишь. Но только, пожалуйста, Морис, когда увидишь его, не раскрывай рта так широко. У тебя есть эта привычка: раскрыть рот и забыть про него.

Морис (*краснея*). Вы оба смотрите на меня и улыбаетесь: ну — значит, так и надо. Но мы еще подрастем, мы еще подрастем.

На улице гудок одного автомобиля, другого; точно вызывают гудком.

Жанна (*поспешно вставая*). Вот, кажется! Морис, это только граф Клермон, не забудь... Я сейчас. Они будут говорить с тобой об очень важном, очень важном, Эмиль, но ты не должен волноваться.

Эмиль Грелье. Да, я знаю.

Жанна (*быстро целуя его*). Я иду.

Выходит, почти столкнувшись с взволнованной Сильвиной.

Да, я знаю, знаю. Уберите здесь, Сильвина.

Сильвина убирает со стола, отодвигает кресла. Эмиль Грелье закрыл глаза, бледен и неподвижен.

Морис (*шепчет*). Кто это, Сильвина?

Сильвина что-то отвечает с восторгом и ужасом: то же выражение появляется на лице Мориса. Сильвина выходит. Морис быстро удаляется к окну и заранее прикладывает левую руку ко лбу, вытянувшись по-военному; так стоит, пока его не заметили. Входят: Жанна, граф Клермон, за ним, на некотором отдалении, министр Лагард и адъютант графа, пожилой генерал сурового вида, со многими знаками отличия. Сам граф Клермон — высокий, стройный молодой человек в скромной офицерской форме; никаких орденов и знаков высокого происхождения. Держится очень скромно, даже застенчиво, но, поборов первое смущение, говорит горячо и сильно, с широкими и

свободными жестами. Движения быстры. Все относятся к нему с большой почтительностью. Лагард — сильный старик с седой львиной головой; речь проста, движения спокойны и решительны; видна привычка говорить с трибуны.

У Жанны в руках большой букет цветов. Граф Клермон прямо и быстро подходит к постели Грелье.

Граф Клермон (*смущаясь*). Я приехал пожать вашу руку, дорогой учитель... О, только ни одного лишнего движения, ни одного, иначе я буду очень несчастен!

Эмиль Грелье. Я глубоко тронут, я счастлив...

Граф Клермон. Нет, нет, не говорите так! Здесь перед вами только человек, который учился мыслить по вашим книгам. Но что они с вами сделали — посмотрите, Лагард!

Лагард. Здравствуйте, Грелье, хочу и я пожать вашу руку. Сегодня я, волею судьбы, министр, но вчера я был только врачом и могу поздравить вас: у вас хорошая рука. Давайте-ка попробуем пульс.

Генерал (*выступая, скромно*). Позвольте и мне от лица нашей армии выразить наше восхищение, мосье Грелье!

Эмиль Грелье. Благодарю вас. Мне совсем хорошо, Лагард.

Граф Клермон. Но, может быть, хирурга?..

Жанна. Он может слушать и говорить, граф. Он улыбается — он может слушать.

Граф Клермон (*увидя Мориса и смущаясь*). О, кто это? Пожалуйста, опустите руку, вы ранены?

Морис. Я так счастлив... граф!

Жанна. Это наш второй сын, Морис. Первый наш сын, Пьер Грелье, убит в Льеже... граф.

Граф Клермон. Я не смею вас утешать, мадам Грелье. Дайте мне вашу руку, Морис.

Морис. О... граф! Я только солдат, я не смею...

Граф Клермон. И я, дорогой мой, теперь только солдат. Руку, товарищ. Вот так. Учитель! — мои дети и жена прислали вам цветы... Но где же они? О, какой я рассеянный!

Жанна. Вот, граф.

Граф. Благодарю вас, мадам. Но я не знал, что у вас цветы лучше моих, а мои... они так пропахли дымом и гарью!

Лагард. Как и вся Бельгия. (*Графу Клермону.*) Пульс хороший. — Грелье, мы приехали к вам не только за тем, чтобы выразить вам наше сочувствие, — в моем лице рабочие всей Бельгии жмут вашу руку...

Эмиль Грелье. Я горжусь, Лагард.

Лагард. Ну и мы гордимся не меньше. Да, нам надо поговорить. Граф Клермон не решался вас беспокоить, но я сказал: пусть умрет, но раньше мы с ним поговорим — э, не так ли, товарищ?

Эмиль Грелье. Я не умру. Морис, тебе лучше выйти.

Граф Клермон (*быстро*). О нет, нет. Он ваш сын, Грелье, и он должен присутствовать при том, что скажет его отец. О, я гордился бы честью иметь такого отца!

Лагард. Наш граф очень славный молодой человек. Простите, граф, я опять несколько нарушаю...

Граф Клермон. Ничего, я уже привык. Сегодня вам и вашей семье, дорогой учитель, необходимо переехать в Антверпен.

Эмиль Грелье. Наши дела так плохи?

Граф Клермон. Скажите ему, Лагард.

Лагард. Что же говорить! Плохи, да — очень плохи. Это орда гуннов идет на нас, как морской прилив. Сегодня они еще там, а завтра они зальют ваш дом, Грелье. Они идут к Антверпену. Что мы можем им противопоставить? Отсюда они, а там море — от Бельгии уже немного осталось, Грелье. Скоро моей бороде негде будет поместиться. Не так ли, мол... граф?

Молчание. Издали доносятся глухие звуки канонады; все обращают взоры к окну.

Эмиль Грелье. Это сражение?

Граф Клермон (*прислушиваясь, спокойно*). Нет, это случайно. Пристреливаются. Но уже завтра они повезут мимо вас, Грелье, свои дьявольские орудия. Вы знаете, это — настоящие железные чудовища, под тяжестью которых содрогается и стонет наша земля. Они движутся медленно, как амфибии, выползшие ночью из пучины — но они движутся! Пройдет еще несколько дней, и они подползут к Антверпену, они на город, на церкви обратят свои пасти... Горе Бельгии, учитель, горе!

Лагард. Да, очень плохо. Мы честный и мирный народ, который ненавидит пролитие крови — ведь этакая глупость: война! И мы уже давно не имели бы ни одного солдата, если бы не это проклятое соседство, не это разбойничье баронское гнездо...

Генерал. А что бы мы делали без солдат, мосье Лагард?

Лагард. А что мы можем сделать и с солдатами, мосье генерал?

Граф Клермон. Вы неправы, Лагард. С нашей маленькой армией у нас есть еще одна возможность: погибнуть, как гибнут свободные. А без нее — мы уже были бы чистильщиками сапог, Лагард!

Лагард (*ворчит*). Ну, я-то никому не стану чистить сапоги. Плохо дело, Грелье, плохо. И осталось у нас одно только средство... Правда, довольно страшное средство...

Эмиль Грелье. Я знаю.

Лагард. Да? Какое же?

Эмиль Грелье. Плотины.

Жанна и Эмиль вздрагивают и с ужасом смотрят.

Граф Клермон. Вы вздрогнули, вы дрожите, мадам! А что же делать мне, что же делать нам, которые не смеют дрожать!

Жанна. Нет, я так. Я подумала о девушке, которая ищет дорогу к Лонуа. Никогда ей не найти дорогу к Лонуа!

Граф Клермон. Но что же делать! Что же делать!

Все задумались. Граф Клермон отошел к окну и смотрит, нервно пощипывая усы; Морис отодвинулся в сторону и по-прежнему стоит навывтяжку; недалеко от него, опираясь плечом о стену и закинув красивую, бледную голову, стоит Жанна. Лагард по-прежнему сидит у постели, поглаживая седую, всключенную бороду. Мрачно задумался генерал.

(Решительно обернувшись.) Я — мирный человек, но я понимаю, что можно поднять оружие. Оружие! Это значит меч, это ружье, это разрывные снаряды... это, наконец, огонь! Огонь убивает, но он и светит, огонь очищает, в нем есть нечто от древнего жертвоприношения. Но вода! — холодная, темная, молчаливая, обволакивающая тиной, раздувающая трупы... Вода, которая есть начало хаоса, вода, которая день и ночь сторожит землю, чтобы броситься на нее... Друзья мои, поверьте мне: я довольно смелый человек, но я боюсь воды! Лагард, что вы скажете на это?

Лагард. Мы, бельгийцы, слишком долго боролись с водой, чтобы не научиться страху. Я тоже боюсь воды.

Жанна. Но кто страшнее: пруссаки или вода?

Генерал *(кланяясь.)* Мадам права: они не страшнее, но хуже.

Лагард. Да. У нас нет другого выбора. Страшно выпускать воду из плена, зверя из логовища, но все же она нам больше друг, чем пруссаки. Черт возьми, ведь плавал же Ной, когда пришлось... простите, граф. И я предпочту, чтобы всю Бельгию с головой покрыло море, чем протянуть руку примирения негодяю! До этого ни он, ни мы не доживем, хотя бы сам Атлантический океан ринулся на нас!

Короткое молчание.

Генерал. Но до этого мы не дойдем, надеюсь. Пока нам необходимо затопить только часть территории, это не так страшно.

Жанна *(закинув голову, с закрытыми глазами)*. А что будет с теми, которые не захотят покинуть своих жилищ — которые глухи, которые больны и одиноки? Что будет с нашими детьми?

Молчание.

Там, на полях и в оврагах, есть раненые; там бродят тени людей, но в жилах их еще течет кровь — что будет с ними? О, не смотри на меня так, Эмиль, лучше не надо слушать, что я говорю. Я только потому, что у меня вдруг заболело сердце... и меня вовсе не надо слушать, граф.

Граф Клермон быстро и решительно подходит к постели Грелье, вначале говорит, смущаясь, приискивая слова, но дальше все смелее и громче.

Граф Клермон *(смущаясь)*. Дорогой и уважаемый учитель! Мы не осмеливались бы отнимать у вас хотя бы крупицу вашего здоровья, если бы... если бы не уверенность в том, что служение народу может дать только новые силы вашей... героической душе! Уже вчера на нашем совете было решено взорвать плотины и затопить часть королевства, но я не мог, я не смел дать полного согласия, пока не выслушаю вас. Всю ночь я не спал и думал — о, как страшны, как невыразимо печальны были мои мысли! Мы все, и он и я, мы тело, мы руки, мы голова, а вы, Эмиль Грелье, — вы совесть нашего народа. Слепленные войной, мы можем невольно, совсем нечаянно, совсем против нашего желания нарушить заветы человечности — пусть ваше строгое сердце скажет нам правду. Друг мой! Мы доведены до отчаяния, у нас нет Бельгии, она затоптана врагами, но в вашей груди, Эмиль Грелье, бьется сердце всей Бельгии — и ваш ответ

будет ответом самой нашей измученной... окровавленной... несчастной страны!

Отворачивается к окну. Морис плачет, глядя на отца.

Лагард (*тихо*). Bravo, Бельгия!

Молчание. Слышна канонада.

Жанна (*Морису тихо*). Сядь, Морис, тебе нехорошо стоять.

Морис. О мамá! Мне такое наслаждение сейчас стоять... о мамá!

Лагард. Теперь и я добавлю несколько слов. Как вам известно, Грелье, я человек из народа. Да, это верно. И я знаю, чего стоит народу его труд, чего стоят все эти огороды, сады и фабрики, которые мы похороним под водой. Это стоит нам пота, Грелье, здоровья и слез. Это наши страдания, которые обратятся в радость для наших детей. Но как народ, который выше пота своего, крови и слез уважает и любит свободу, — как народ, говорю — я предпочту, чтобы здесь над головами нашими ходили морские волны, нежели чистить сапоги пруссаку! И пусть от Бельгии останутся только острова, они назовутся «Честными островами», а островитяне будут по-прежнему бельгийцы!

Все в волнении.

Эмиль Грелье. А что говорят инженеры?

Генерал (*почтительно выждав ответа молчавшего графа*). Они говорят, мосье Грелье, что это может быть сделано в два часа.

Лагард (*ворчит*). В два часа! В два часа! А строили сколько лет?

Генерал. Инженеры плакали, говоря это, мосье Грелье.

Лагард. Инженеры плакали... Да как и не заплакать, подумайте сами, Грелье?

Внезапно всхлипывает и не торопясь лезет в карман за платком.

Граф Клермон. Мы с волнением ждем, Грелье. На вас тяжкий долг перед родиной вашей — поднять на нее Руку.

Эмиль Грелье. А иной защиты у нас нет?

Молчание. Все в позах тяжелого раздумья; Лагард откровенно вытирает глаза и неторопливо, со вздохом, роняет ответ.

Лагард. Нет.

Генерал. Нет!

Жанна (*качнув бледной головой*). Нет.

Граф Клермон (*быстро*). Нам необходимо выиграть время, Грелье. Силою всех наших жизней, брошенных в поле, мы не можем их остановить (*топнув ногой*). Время, время, — нам необходимо украсть у судьбы частицу ее вечности, несколько дней, неделю! К нам спешат! Уже идут с востока русские. Уже до самого сердца французской земли проникла немецкая сталь... и в ярости от боли уже поднимается над немецкими штыками французский орел и к нам направляет полет! Уже стремятся к нам благородные рыцари моря, британцы, и к Бельгии через пучину протянуты их мощные руки... но время, время! Дайте нам времени, Грелье, — о нескольких днях, о часах молит нас

Бельгия! Вы уже отдали ей свою кровь, Грелье, и вы имеете право поднять на родину вашу окровавленную руку!

Короткое молчание.

Эмиль Грелье. Плотины надо разрушить.

З а н а в е с

ПЯТАЯ КАРТИНА

Время к ночи. Небольшой сельский домик, занятый германским штабом. У двери, которая ведет в помещение командующего армией, застывший часовой. В этой комнате все двери и окна открыты, за ними тьма. Освещена комната довольно ярко свечами. Два дежурных штаб-офицера лениво переговариваются, страдают от духоты. Лагерь спит; лишь изредка тяжелые размеренные шаги сменяемых пикетов и частей, сдержанные голоса, ругательства. Где-то в доме гудит динамо беспроволочного телеграфа.

Фон-Ритцау. Вы хотите спать, фон-Штейн?

Фон-Штейн. Спать — нет, курить — да.

Ритцау. Вредная привычка! Но вы можете покурить в окно.

Штейн. А если он войдет? Благодарю вас, фон-Ритцау. О, какая душная ночь, в легкие не попадает и капли чистого воздуха. Он весь отравлен гарью. Надо что-нибудь изобрести против гари, займитесь этим, Ритцау.

Ритцау. Я не изобретатель. Но сперва этот воздух надо выжать, как грязное белье, и высушить на солнце. Он мокр так, точно мы плывем под водой. Вы не знаете: он в хорошем настроении сегодня?

Штейн. А разве у него бывают настроения хорошие или плохие?

Ритцау. Колоссальная выдержка!

Штейн. Вы видели когда-нибудь его раздетым... ну полуодетым? Или чтобы волосы его не лежали, как на параде? Гениальный старик!

Ритцау. Он дьявольски мало говорит, Штейн.

Штейн. Он предпочитает, чтобы говорили его пушки. Это довольно сильный голос, не так ли, Ритцау?

Тихо смеются. Быстро входит высокий, красивый штаб-офицер и направляется к двери командующего.

Постойте, Блюменфельд! Новости?

Высокий отмахивается рукой и осторожно открывает дверь, заранее наклонившись для поклона.

Делает карьеру!

Ритцау. Нет, он хороший парень. Я не могу. Штейн, я задыхаюсь.

Штейн. Вы лучше хотели бы быть в Париже?

Ритцау. Я предпочел бы всякую другую, менее несносную страну. Как здесь, вероятно, скучно зимой.

Штейн. Но мы их надолго избавили от скуки. Вы бывали в монмартских кабачках, Ритцау?

Ритцау. Натурально!

Штейн. Не правда ли, какая изумительная тонкость, культура и такой... оригинальный шик? К сожалению, нашим берлинцам до этого далеко.

Ритцау. О да, конечно. Колоссально!

Из двери, почти задом, выходит высокий. Вдыхает свободно и присаживается к говорящим. Вынимает сигару.

Фон-Блюменфельд. Как дела?

Ритцау. Хорошо. Мы говорили о Париже.

Штейн. Тогда и я закурю.

Блюменфельд. Курите. Он не выйдет. Хотите слышать колоссальную новость?

Штейн. Ну?

Блюменфельд. Он сейчас засмеялся!

Штейн. Черт возьми!

Блюменфельд. Честное слово. И двумя пальцами потрогал меня по плечу — вы понимаете?

Штейн (*с завистью*). Натурально! Вероятно, вы счастливый вестник, Блюменфельд?

Военный телеграфист, козыряя, подает Блюменфельду сложенную бумагу.

Телеграфист. Радиограмма, господин лейтенант.

Блюменфельд. Давай.

Не спеша кладет на подоконник сигару и по-прежнему, точно крадучись, входит в кабинет.

Штейн. Ему везет. Нет, что ни говорите про судьбу, а она есть. Кто этот Блюменфельд? Фон — а вы знали его отца? Или деда?

Ритцау. Имею основание думать, что деда у него вовсе не было. Но он хороший товарищ.

Блюменфельд выходит и снова присаживается к собеседникам, берет еще горящую сигару.

Штейн. Опять военная тайна?

Блюменфельд. Да, конечно. Все, что здесь говорится и делается, Штейн, есть военная тайна. Но это я могу вам сказать. Известие касается наших новых осадных орудий: они подвигаются успешно.

Штейн. Ого!

Блюменфельд. Да, успешно. Сейчас они миновали самый трудный участок пути, знаете, где по бокам болота...

Штейн. О да!

Ритцау. Колоссально!

Блюменфельд. Дорога не выдержала тяжести и проваливалась; наш очень беспокоился. Он приказал сообщать о движении через каждый километр.

Штейн. Теперь он заснет спокойно.

Блюменфельд. Он никогда не спит, фон-Штейн.

Штейн. Да, это правда.

Блюменфельд. Он никогда не спит, фон-Штейн! Когда он не принимает донесений или не командует, он размышляет. Как личный корреспондент его светлости, я имею честь многое знать, что не дозволено знать другим, — о господа, это удивительная, это гениальная голова!

Ритцау. Колоссально!

Входит еще один штаб-офицер, молоденький; отдает честь Блюменфельду.

Блюменфельд. Садитесь, фон-Шаусс. Я говорю о нашем.

Шаусс. О!

Блюменфельд. Это немецкая философская голова, орудующая с пушками, как Лейбниц с идеями. Все разгадано, все

предусмотрено, движение наших миллионов приведено в столь стройную систему, что ею возгордился бы Кант! Нас ведет вперед, господа, несокрушимая логика и железная воля. Мы неумолимы, как судьба!

Офицеры тихими возгласами «браво!» выражают свое одобрение.

И как он может спать, когда движение наших армий есть лишь движение частиц его мозга! И зачем вообще спать? Я также мало сплю и вам, господа, советую не предаваться глупому сну.

Ритцау. Но этого требует организм.

Блюменфельд. Глупости! Организм — это выдумали доктора, которые ищут практики среди невежд. Я не знаю никакого организма. Я знаю только мои желания и мою волю, которая говорит: Гергард — делай, Гергард — иди! Гергард — бери! И я беру!

Ритцау. Колоссально!

Шаусс. Вы мне позволите, господин лейтенант, записать ваши слова в памятную книжку?

Блюменфельд. Пожалуйста, Шаусс. Вам что, Циглер?

Вошел старший телеграфист.

Циглер. Я, право, не знаю, господин лейтенант, но что-то странное... Вероятно, нас перебивают, но я ничего не могу понять...

Блюменфельд. Что такое? В чем дело?

Циглер. Одно слово мы разобрали: вода, но дальше совсем непонятно. И потом опять: вода...

Блюменфельд. Какая вода? Вы пьяны, Циглер! Тут пахнет водкой, а не водой. Инженер там?

Циглер. Он так же удивляется и не понимает.

Блюменфельд. Вы осел, Циглер! Надо вызвать...

Входит Командующий, высокий, прямо держащийся старик. Бескровное, сухое, бесстрастное лицо анахорета; от тонких, твердо сжатых губ залегли две неподвижные складки. Так же сух и бесстрастен голос.

Командующий. Блюменфельд!

Все вскакивают, вытягиваются и замирают.

Что здесь такое?

Блюменфельд. Я еще не успел расследовать, ваша светлость. Циглер докладывает...

Командующий. Что такое, Циглер?

Циглер. Ваша светлость, нас перебивают, я не знаю, но ничего нельзя понять. Разобрали одно только слово: вода. Потом опять: вода.

Командующий (*поворачиваясь назад*). Разберите, что там, Блюменфельд, и потом доложите мне...

Почти вбегает военный инженер.

Инженер. Где Блюменфельд! Виноват, ваша светлость!

Командующий (*останавливаясь*). Что там у вас, Клетц?

Инженер. На наши вызовы не отвечают, ваша светлость. Молчат, как мертвые; там что-нибудь случилось.

Командующий. Вы думаете, что-нибудь серьезное?

Инженер. Не смею думать так, ваша светлость, но меня это

беспокоит. На наши самые энергичные вызовы ответом служит глубокое молчание. Но вот что-то хочет сказать Грейцер... Ну? Что там, Грейцер?

Вошел тихо телеграфист и застыл.

Грейцер. Молчат, ваша светлость.

Короткое молчание.

Командующий (*снова поворачиваясь к двери*). Прошу распорядиться, господин лейтенант.

Делает шаг к двери и останавливается: за окном какое-то движение, легкий шум и голоса; часто повторяется слово: вода. Постепенно шум и голоса растут, местами переходят в гул огромной толпы.

Что это?

Все оборачиваются к окну. Вбегают расстроенный офицер, без фуражки, волосы в беспорядке, лицо бледно.

Офицер. Я к его светлости! Я к его светлости!..

Блюменфельд (*шипит*). Вы с ума сошли!

Командующий. Успокойтесь, господин офицер.

Офицер. Ваша светлость! Имею честь доложить вашей светлости, что бельгийцы взорвали свои плотины, и нашу армию заливают вода. Вода!

Движение ужаса.

Надо торопиться, ваша светлость!

Командующий. Торопиться? Прошу вас успокоиться, господин офицер. Наши орудия?

Офицер. Уже затоплены, ваша светлость.

Командующий. Опомнитесь, вы ведете себя недостойно! Я спрашиваю: наши орудия?

Офицер. Затоплены, ваша светлость. Вода идет сюда. Необходимо торопиться, ваша светлость, мы в низине, мы в ужасной низине! Они взорвали плотины, и вода идет как бешеная. Сейчас она только в пяти километрах, и мы едва ли... Виноват, ваша светлость!

Молчание. Беспорядочный шум за окнами растет. Появились какие-то мерцающие свету. Чувствуется начало безграничной и безумной паники, которая сейчас охватит весь лагерь. Здесь все с тоской нетерпения смотрят на бесстрастное, теперь слегка окрасившееся кровью, сухое лицо.

Командующий. Но ведь это же... (*с силой ударяет кулаком по столу*) глупо!!

Смотрит с холодной яростью, но все опускают глаза. Испуганный офицер откровенно перебирает ногами и косится на окно. Там свету все сильнее: видимо, зажгли какое-то здание поблизости. Нестройные голоса перешли в крики и рев: словно ревет испуганное стадо. Какой-то грохот, какие-то выстрелы. Здесь постепенно теряется дисциплина.

Блюменфельд. Они с ума сошли.

Офицер. Стреляют. Это ночное нападение!

Штейн. Но это не могут быть бельгийцы!

Ритцау. Но они могли воспользоваться...

Блюменфельд. Стыдитесь, Штейн! Стыдитесь, господа!

Командующий. Молчать! Я вас прошу...

Вдруг раздается пронзительный, дико плачущий звук рожка, приказывающего отступление. Его безумную песню ужаса подхватывает второй, третий, без счета — до самой глубокой дали. И одновременно возрастает испуганный рев.

(Кричит.) Кто скомандовал отступление? Кто смеет приказывать, когда я здесь! Позор! — Блюменфельд — вернуть.

Блюменфельд опускает голову.

Это не германская армия. Вы недостойны называться солдатами. Позор. Мне стыдно называться вашим генералом — трусы.

Блюменфельд *(выступая, с некоторым достоинством)*.
Ваша светлость...

Офицер. Э, мы не рыбы, чтобы плавать под водой...

Выбегает, за ним двое-трое других, паника растет.

Блюменфельд. Ваша светлость! Мы просили вас... ваша жизнь в опасности... ваша светлость.

Еще кое-кто выбегает; комната почти пуста; только часовой все в той же позе
каменного изваяния.

Ваша светлость. Я умоляю вас. Ваша жизнь... я боюсь, что через минуту будет поздно... ваша светлость.

Командующий. Но ведь это... *(снова с силой бьет кулаком по столу)*... но ведь это же глупо, Блюменфельд!

Занавес

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Тот же час ночи.

Плоская местность; в темноте трудно различимые силуэты разрушенных зданий, одиноких деревьев. Наискось, начинаясь от правого угла, светлеет шоссе с полуразрушенным каменным мостом через овражек. У левого угла дорога поднимается на невысокий бугор, округло закрывающий часть горизонта. Где-то, очень далеко, небольшой спокойный пожар, почти не дающий зарева. Ночное мглистое черное небо в разных направлениях иссечено лучами германских прожекторов. Лучи в непрерывном тревожном движении.

Около моста, с трудом переехав его, остановился автомобиль, в котором перевозят в Антверпен раненых: Эмиля Грелье и его сына; с ними Жанна и молодой доктор, военный. В автомобиле что-то испортилось: с маленьким фонариком возится у машины солдат-шофер. Около него доктор, Лангла.

Доктор (*с беспокойством*). Ну что? Как?

Шофер (*разглядывая*). Пока не знаю. Кажется, засорился карбюратор.

Доктор. Серьезная поломка?

Шофер. Нет, не знаю.

Морис (*из автомобиля*). Что там такое, доктор? Мы не можем ехать?

Шофер (*сквозь зубы*). Поедем.

Доктор. Пока еще неизвестно. Что-то засорилось, кажется.

Он говорит, что это не серьезно.

Морис. А долго будем стоять?

Доктор (*шоферу*). Долго будем стоять?

Шофер (*сквозь зубы*). Почему я знаю. Минут десять, я думаю. Посветите мне, пожалуйста.

Передает фонарь доктору, тот светит.

Морис. Тогда я выйду.

Жанна. Лучше не надо, Морис. Ты можешь ушибить руку.

Морис. Нет, мамá, ничего, я осторожно. Где тут ступенька? Как неудобно. Хоть бы прожектором посветили.

Спрыгивает и смотрит, что делает шофер.

Однако какая гадость. Мы застряли.

Шофер (*ворчит*). Мост! Разве можно ехать по такому мосту!

Доктор. Да, неприятно. Нам надо было выехать раньше.

Морис (*пожимая плечами тихо*). Папá не хотел. Как же мы могли. (*Громко*.) Мамá, как ты думаешь, наши уже, вероятно, в Антверпене?

Жанна. Да, я думаю. Эмиль, тебе не холодно?

Эмиль Грелье. Нет. Мне очень приятно дышать воздухом. Я чувствую себя сильнее.

Доктор (*Морису*). Мы, кажется, еще в той полосе, которая...

Морис. Да, в той... Который час, доктор?

Доктор (*рассматривая часы*). Без двадцати... без четверти десять.

Морис. Значит, уже четверть часа, как взорваны плотины. Так! Мамá, ты слышишь: сейчас без четверти десять.

Жанна. Да, я слышу.

Морис. Но странно, что взрывов не было слышно совсем.

Доктор. Что вы, мосье Морис! Очень далеко!

Морис. А мне казалось, что такие взрывы должны быть слышны за сотни километров. Боже мой, как это странно все! Где-то наш дом и сад; его скоро зальет водой... интересно, как высоко она поднимется! Неужели до второго этажа?

Доктор. Возможно. Ну что же вы — как у вас дела?

Шофер (*ворчит*). Делаю.

Морис. Смотрите, смотрите! Мама́, смотри, как бегают прожекторы! Они как будто испугались. Папа́, ты видишь?

Эмиль Грелье. Жанна, приподними меня немного.

Жанна. Я не знаю, дорогой мой, можно ли?

Доктор. Немного можно, если только не очень больно. Перевязка сделана крепко.

Жанна. Тебе больно?

Эмиль Грелье. Нет, ничего. Да, они испугались.

Морис. Папа́, они бегают по небу как сумасшедшие! Смотрите, смотрите!

Слабо осветив всю группу, проносится голубоватый призрачный свет.

Прямо в глаза! Это с какой-нибудь возвышенности, папа́?

Эмиль Грелье. Вероятно. Их или известили, или вода уже подходит.

Жанна. Ты думаешь, Эмиль?

Эмиль Грелье. Да. Мне кажется, что с той стороны я уже слышу шум воды. Тянет свежестью и тиной.

Все прислушиваются и смотрят в ту сторону, откуда послышался шум.

Доктор (*беспокойно*). Однако, как это неприятно! Нам было необходимо раньше выехать, мы очень опоздали.

Морис. Папа́, а мне кажется, что это голоса. Ты послушай, как будто бы кричат. Много, много народу. Папа́, это кричат пруссаки. Это они!

Слышно что-то далекое и смутное, похожее на рев отдаленной толпы. Как будто выстрелы. Как будто вопли военных рожков. Мечутся прожекторы.

Эмиль Грелье. Они.

Доктор. Если через четверть часа мы не тронемся...

Эмиль Грелье. Через полчаса, доктор.

Морис. Папа́, как это красиво и страшно! Дай мне руку, мама́.

Жанна. Зачем?

Морис. Хочу поцеловать. Мама́, ты без перчаток!

Жанна. Какой ты глупенький, Морис.

Морис. Мосье Ланглуа сказал, что мне через три дня можно будет снять повязку. Ты только подумай, через три дня я снова смогу взять ружье! О, кто это? Смотрите, кто это?

Все около автомобиля принимают напряженно-оборонительные позы: у шофера и доктора револьверы. Со стороны поля и из канавы показывается какая-то тень. Вблизи это крестьянин, раненный в ногу, идет медленно, опираясь на палку.

Кто идет?

Крестьянин. Свои, свои. А вы кто? Едете в город?

Морис. Да, в город. Да вот сломалось, чиним. А вы зачем здесь?

Крестьянин. Зачем я здесь?

С любопытством рассматривает незнакомых людей, его так же, осветив фонарем, внимательно разглядывают.

Шофер. Да светите же мне!

Крестьянин. Раненого везете? Я тоже ранен в ногу. Не могу ходить, трудно, вот на палку опираюсь. В город едете? А я лежу в канавке и слушаю: говорят по-французски, я и выполз. Меня зовут Жаклар.

Доктор. Как вас ранили?

Крестьянин. Я шел по полю, они и выстрелили. Должно быть, думали, что это кролик. *(Хрипло смеется.)* Должно быть, думали, что это кролик. Что нового, господа? Пропала наша Бельгия? *(Смеется.)* А? Пропала наша Бельгия?

Морис. А вы разве не знаете?

Крестьянин. Что знать? Лежу и на небо смотрю, вот и все, что я знаю. Вы небо-то видели? Вы посмотрите, я все время смотрю. Что на небе-то, а? Как это можно объяснить?

Эмиль Грелье. Садитесь к нам.

Морис. Послушайте, вы садитесь к нам. Очевидно, вы ничего не слышали. Отсюда надо убираться. Вы знаете: плотины взорваны. Понимаете: плотины!

Молчание.

Крестьянин. Плотины?

Морис. Да. Вы слышите крик вон там? Слышите? Это они кричат, пруссаки!

Крестьянин. Вода?

Морис. Вода. Вероятно, уже подходит, они узнали. Послушайте, далеко, а как слышно!

Крестьянин хрипло смеется.

Садитесь, вот тут можно, автомобиль большой. Доктор, помогите ему, а я посвечу.

Шофер *(ворчит)*. Садитесь, садитесь! Эх!

Доктор *(с беспокойством)*. Что? Плохо? Надо скорее, шофер, так же нельзя! Вода идет. Надо нам было раньше, раньше выехать.

Морис. Какая гадость, однако!

Жанна *(громко и возбужденно)*. Они вас подстрелили, как кролика? Ты слышишь, Эмиль, — они думали, что это бежит кролик! Разве вы так похожи на кролика?

Так же громко смеется, крестьянин вторит ей.

Крестьянин. Похож, да! Совсем как кролик.

Жанна. Ты слышишь, Эмиль: он говорит — совсем как кролик!

Смеется.

Эмиль Грелье. Жанна!

Морис. Мама́, что ты!

Жанна. Мне смешно... мне смешно, что они принимают нас за кроликов. А теперь кто же мы: водяные крысы? Эмиль, ты представь, водяные крысы в автомобиле!

Морис. Мама́!

Жанна. Нет, нет, я больше не смеюсь, Морис! *(Смеется.)* А

кто же мы еще? Кроты? Надо нам уйти в землю?

Крестьянин (*смеется*). А теперь должны в землю...

Жанна (*все так же*). А на земле будут они? Эмиль, ты слышишь?

Эмиль Грелье. Дорогая моя... Дорогая моя...

Морис (*доктору*). Послушайте, надо что-нибудь. У вас нет, послушайте!.. Мама, мы сейчас поедem, мамочка!

Жанна. Нет, я ничего, я больше не смеюсь. Какой ты глупый, Морис. Мне просто захотелось говорить. Я слишком долго молчала, все молчала, и мне хочется болтать. Эмиль, я тебя не беспокою, что говорю? Отчего так молчала вода, Эмиль? Это король сказал: вода очень молчалива? А мне хотелось бы, чтобы она ревела, чтобы это был гром... Нет, я не могу, я не могу выносить этой тишины! Ах, почему так тихо — я же не могу!

Морис (*шоферу*). Милый, пожалуйста, ну скорее!

Шофер. Да! Да! Делаю, делаю. Сейчас поедem.

Жанна (*вдруг кричит угрожающе*). Но я не могу! Я не могу! (*Закрывает себе рот руками, зажимает его, но сквозь стиснутые пальцы пробивается придушенный вопль.*) Я не могу!

Морис. Мама!

Эмиль Грелье. Все будет, Жанна. Все будет! Я знаю. Я тоже. Но все будет, Жанна!

Жанна (*все так же сквозь пальцы, но затихая*). Я не могу!

Эмиль Грелье. Все будет, Жанна! Бельгия будет! Солнце будет! Мне трудно, но я знаю, Жанна!

Морис. Скорее, скорее же!

Шофер. Сейчас, сейчас. Теперь хорошо, сейчас.

Эмиль Грелье (*слабо*). Жанна.

Жанна. Да, да, я знаю... Прости, прости, я сейчас...

Из темноты громкий женский, несколько охрипший голос.

Девушка. Послушайте, скажите, как пройти мне к Лонуа?

Здесь восклицания неожиданности.

Морис. Кто это?

Жанна. Эмиль, это она! (*Смеется.*) Она тоже как кролик!

Доктор (*бормочет*). Что такое, что такое... Кто?

Освещает девушку. Платье ее растерзано, глаза безумны. Крестьянин смеется.

Крестьянин. Опять пришла?

Шофер. Да светите же!

Доктор. Да, да.

Девушка (*громко*). Как пройти мне к Лонуа? Ну!

Эмиль Грелье. Морис, ее надо удержать. Дитя мое, дитя мое! Доктор, вы!

Шофер. Поставьте же фонарь! Черт вас возьми, наконец!

Девушка (*кричит*). Прочь руки! Нет, нет, вы меня не...

Морис. Ее нельзя...

Девушка убегает.

Эмиль Грелье. Доктор, надо нагнать. Она погибнет, скорее...

Во тьме преследование. Девушка убегает.

Крестьянин. Она и меня спрашивала, как пройти к Лонуа
А я откуда знаю. Лонуа!

В темноте женский крик и тишина снова.

Эмиль Грелье. Ее необходимо поймать. Что же это, это
невозможно.

Морис. Но как же, папá...

Прислушиваются. Тишина и далекие глухие крики толпы, впрочем, это может
и казаться. Жанна смеется сдерживаясь.

(Бормочет.) Теперь он пропал. Ах, Боже мой...

Шофер *(торжественно громко)*. Садитесь! Готово.

Морис. Но ведь доктора нет. Ах, Боже мой! Папá, что
делать?

Шофер. Надо кричать, эх!

Морис и шофер кричат: «Доктор, эй! Ланглуа!»

(Сердито.) Я обязан доставить мосье Грелье, и я его доставлю.
Садитесь.

Морис *(кричит)*. Ланглуа!

Вдали глухой отклик.

Идите! Доктор!

Отклик ближе.

Крестьянин. Не поймал. Ее не поймаешь. Она и меня
спрашивала про дорогу. Сумасшедшая *(смеется)*. Теперь таких
много.

Эмиль Грелье *(умоляюще)*. Жанна!

Жанна. Но я не могу, Эмиль. Что это? Я не понимаю? Что
это? Где мы? Боже мой, я ничего не понимаю. Я все понимала, я
все понимала, а теперь? Где Пьер? *(Настойчиво.)* Где Пьер?

Морис. Ах, скоро ли он! Мамочка, мы сейчас!

Жанна. Да, да, мы сейчас. Но я ничего не понимаю. Где это?
Почему такой сон, почему такой сон? Я не понимаю. Кто
пришел? У меня нехорошо в голове. Кто пришел? Почему так?

Голос из темноты, довольно близко: «Эй!»

(Испуганно.) Кто кричит? Какой странный сон, какой страшный,
страшный, страшный... Где Пьер?

Морис. Мамá!

Жанна *(кричит)*. Я не могу. *(Тихо.)* Я не могу, зачем вы
мучите меня? Где Пьер?

Эмиль Грелье. Он умер, Жанна.

Жанна. Нет!!!

Эмиль Грелье. Он умер, Жанна. Но клянусь Богом,
Жанна — Бельгия будет жива. Плачь, кричи, ты мать, я сам плачу
с тобой — но клянусь Богом: Бельгия будет жива! Мне дано
видеть, и я вижу: здесь зазвучат песни, Жанна. Здесь будет новая
весна, и деревья покроются цветами, — клянусь тебе, Жанна, они
покроются цветами. И матери будут ласкать своих детей, и
солнце будет светить на их головы, на их золотые головки,
Жанна! Крови не будет. Я вижу новый мир, Жанна. Я вижу мой
народ: вот с пальмовыми ветвями он встречает Бога, вновь
сошедшего на землю. Плачь, Жанна, ты мать! Плачь, несчастная

мать, с тобою плачет и Бог. Но будут счастливые матери — я вижу новый мир, Жанна, я вижу новую жизнь!

З а н а в е с

К о н е ц